

УДК 167:316.3

Батаева Е. В.

УСЛОВИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В ДИВЕРСИФИЦИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассмотрены особенности концепции коммуникативной солидарности и выявлены ее основные показатели – согласие между социальными акторами относительно способов решения конкретных проблем; манифестирование этого согласия в акциях; наличие практик, составляющих цикл не-социопатического общения. Описано соотношение трех модификаций солидарности – нормативной / механической, структурной / органической и коммуникативной. На микроуровне фундаментом коммуникативной солидарности является доверие между социальными акторами, которое подкрепляется признанием важности интересов и целей каждого. На институциональном уровне коммуникативную солидарность поддерживают массмедиа и гражданские добровольные объединения, задачей которых становится конструирование моделей и образов согласия между социальными акторами.

Ключевые слова: *солидарность, коммуникативная солидарность, согласие, признание, доверие, гетерогенность.*

Розглянуто особливості концепції комунікативної солідарності та виявлено її основні показники – згоду між соціальними акторами відносно засобів вирішення конкретних проблем; маніфестування цієї згоди в акціях; наявність практик, що складають цикл не-соціопатичного спілкування. Проаналізовано співвідношення трьох модифікацій солідарності – нормативної / механічної, структурної / органічної та комунікативної. На мікрорівні фундаментом комунікативної солідарності є довіра між диспутантами, що підкріплюється настановою на визнання інтересів та цілей кожного. На інституційному рівні комунікативну солідарність підтримують масмедіа й громадські добровільні об'єднання, завданням яких стає конструювання моделей та образів згоди між соціальними акторами.

Ключові слова: *солідарність, комунікативна солідарність, згода, визнання, довіра, гетерогенність.*

Peculiarities of communicative solidarity concept are considered and its main indicators are determined such as consensus between social actors concerning means of solving concrete problems; manifestation of this consensus in actions; presence of practices that compose a cycle of non-sociopathic communication. Relations between the following three modifications of solidarity are described – normative/mechanic, structural/organic, and communicative ones. Communicative solidarity can be established at micro-level (of everyday inter-personal communication) and macro-level (institutional level of inter-action of social structures). At micro-level, the basis of communicative solidarity is trust between participants of social discussion that is supported by setting the acceptance of importance of interests and goals of each participant. At institutional level, communicative solidarity is supported by mass-media and civilian volunteer unions that have a goal of constructing models and images of consensus between social actors. Although communicative solidarity is a more elusive and hardly fixed phenomenon than normative (which is based on similarity) and structural (based on inter-dependence) ones, communicative solidarity,

nevertheless, can be accepted as the basis for uniting social actors in diversified and polycentric societies.

The basis of communicative solidarity could be «soft» force of mutual trust that supports moral links between communication participants. In countries with low level of trust, just rational setting on mutual acceptance and moral effort on waiving personal interests for getting social consensus can become the basis for solidarity of social actors. In the situation of trust deficit between social actors, mass-media can perform function of constructing communicative solidarity by creating positive images of both communication participants and projects which are discussed or publicly negotiated. And, vice versa, mass-media are also able to negatively influence social processes preventing the setting of communicative solidarity by constructing unpleasant images of negotiation participants and breaking trust and consensus between them.

A factor that complicates the process of establishing communicative solidarity is the turned transferring from face-to-face communication to distant forms of interaction by means of electronic media in modern society. Such de-localized and virtual communication between social actors results in de-localized and virtualized form of solidarity that has ephemeral and non-fixed character. Visualized communicative solidarity requires permanent actions that confirm existence of consensus between communicants; if such actions are absent the solidarization project can be suspended. Communicative solidarity online can be kept even in situation of radical discrepancies between opponents where fact of their physical absence can soften effects of mutual distrust.

Key words: solidarity, communicative solidarity, consensus, recognition, trust, heterogeneity.

Постановка проблемы. В современной социальной философии и социологии активно дискутируется проблема возможности социальной солидарности в полицентрическом обществе, в котором отсутствует ценностно-нормативная и функциональная взаимозависимость социальных акторов. Если представители коммунитаристской парадигмы (Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Т. Парсонс, Н. Луман, Э. Гидденс, А. Этциони, У. Бек) полагают, что основой социальной солидарности должно быть наличие базисного ценностно-нормативного консенсуса, то Ю. Хабермас, С. Хантингтон, А. Хонетт в концепции коммуникативной солидарности оговаривают условия, при которых солидаризация абсолютной различающихся социальных акторов может стать реальностью. **Целью статьи** является рассмотрение особенностей концепции коммуникативной солидарности и выяснение, как соотносятся между собой три модификации солидарности – нормативная / механическая, структурная / органическая и коммуникативная.

Изложение основного материала. В концепции Ю. Хабермаса можно обнаружить основания теории коммуникативной солидарности, возникающей в процессе / контексте коммуницирования социальных акторов, свободно и сознательно вступающих в диалог *insitu*, «здесь и сейчас» (которая содержательно отличается от механической и органической солидарности Э. Дюркгейма или, используя модернизированный парафраз К. Урсулenco, от нормативной и структурной солидарности). Основным содержанием коммуникативной солидарности является *согласие* между всеми участниками диалогической ситуации, которое становится эффектом интенциональной сориентированности социальных акторов на *никем не навязываемое* взаимопонимание: «Процессы взаимопонимания нацелены на достижение *согласия*, которое зависит от рационально мотивированного одобрения

содержания того или иного высказывания. *Согласие не возможно навязать другой стороне*, к нему нельзя обязать соперника, манипулируя им» [3, с. 200]. В то же самое время в понятии солидарности можно обнаружить дополнительные смысловые обертоны, которые не вполне очевидны в понятии согласия. Коммуникативная солидарность обладает акциональным параметром – она проявляет себя в реальных действиях социальных акторов, нацеленных на достижение полилогического согласия. Кроме того, для солидарности характерна проективная направленность – ее основной интенцией является реализация социальных проектов примирения / умиротворения / воссоединения центробежно сориентированных социальных акторов.

Показателями коммуникативной солидарности можно считать определенные практики, составляющие цикл неискаженного (не-социопатического) социального общения, включающего три этапа: «обмен мнениями – принятие решений – достижение результата» [1, с. 123]. Коммуникативную солидарность можно считать *не реализовавшейся*, если «обмен мнениями» не привел к достижению реального консенсуса, удовлетворяющего интересам всех участников социальной коммуникации. Напротив, с высокой степенью вероятности в данном случае возникнет а-солидарная ситуация взаимного неприятия и склонности к эскалации конфликта, поскольку «затянувшийся переход от первого ко второму этапу и недостижимость третьего вызывает у большинства населения острое чувство разочарования и раздражения» [1, с. 123].

Как соотносятся между собой нормативная / механическая, структурная / органическая и коммуникативная формы солидарности? Указанные модификации солидарности могут как сосуществовать в социальном пространстве, так и проявлять себя независимо друг от друга. По мнению К. Урсуленко, «нормативный (одинаковые ценности, приоритеты, общие взгляды, общие взгляды и т.п.) и структурный (включенность в сети социальных связей; интенсивность и качество социальных отношений) аспекты солидарности следует рассматривать в целостности и взаимосвязи» [2, с. 131]. Можно добавить, что в стабильных общественных ситуациях нормативный и структурный аспекты солидарности могут вполне гармонично сочетаться с коммуникативным: социальные акторы, существующие в единой системе нормативно-ценностных координат, активно взаимодействующие в контексте социально-профессиональных сетей, выражают / подтверждают свое единение в процессе социально-публичного коммуницирования (как в повседневной жизни, так и в масс-медийном измерении).

В контексте же ситуации социальной нестабильности возможны разрывы (срывы) в слаженном функционировании трех модусов солидарности, следствием чего может стать их автономизация и самостоятельное функционирование. В обществах, в которых зафиксирован низкий уровень нормативно-ценностной однородности (согласно результатам исследования К. Урсуленко, проведенного в 2007 г., Украина является обществом с низким уровнем нормативной солидарности [2, с. 144]), именно структурная модификация солидарности может стать фундаментом социального консенсуса. В ситуациях более критических, в которых не только наблюдается ослабление ценностно-нормативного базового консенсуса, но и

нарушается структурное равновесие в обществе, имеющее своим эффектом снижение качества и интенсивности социальных интеракций (что может возыметь место в кризисных, воюющих, депрессивных обществах), именно коммуникативная солидарность может стать тем «якорем», опираясь на который социальные акторы смогут удержаться от эскалации конфликтной напряженности. Вступая в коммуникативное взаимодействие, «акторы идут на то, чтобы внутренне согласовывать между собой планы своих действий и преследовать те или иные свои цели только при условии *согласия* относительно данной ситуации и ожидаемых последствий» [3, с. 199]. При этом становится очевидным, что, помимо коммуницирования, помимо обсуждений и переговоров, иного пути для достижения консенсуса в таких условиях не существует. «Согласно Ю. Хабермасу, участвуя в рациональном диалоге, индивиды смогут подняться выше собственных частных интересов и принять перспективу видения всех других участников публичной дискуссии. Только эта разновидность рационального диалога в действующем демократическом государстве может легитимизировать выбор решения в ситуации радикального разнообразия точек зрения» [8].

Социальную позицию, исключающую возможность достижения коммуникативной солидарности, можно обнаружить в концепции инструментального действия М. Хоркхаймера и Ю. Хабермаса, согласно которым инструментализм основан на эгоцентрическом расчете, нежелании и неспособности слышать и принимать к сведению интересы других социальных акторов. Осуществляя инструментальное действие, «акторы ориентируются исключительно на достижение *успеха*, то есть на последствия своих действий, они стараются достичь *своих* целей, оказывая *внешнее влияние* на понимание ситуации их соперником, на его решения и мотивы. Координация действий субъектов зависит от того, насколько эгоцентрический подсчет собственной выгоды уравнивается подсчетом выгоды с противной стороны» [3, с. 199]. Инструментальное мировидение, предполагающее рассмотрение других социальных субъектов в качестве средства и инструмента для достижения собственных утилитарных целей, является основным препятствием на пути к достижению социального согласия и реализации принципов коммуникативной солидарности.

Фактором, осложняющим процесс установления коммуникативной солидарности, является свершившийся в современном обществе переход от коммуницирования лицом-к-лицу к дистанцированным формам взаимодействия посредством электронных массмедиа, описанный Э. Гидденсом и Н. Луманом [8]. Де-локализованное и виртуализированное коммуницирование между социальными акторами порождает де-локализованную и виртуализированную форму солидарности, обладающую эфемерным и не закрепляемым характером. Виртуализированная коммуникативная солидарность требует перманентных акций, подтверждающих наличие согласия между коммуникантами; при отсутствии этих акций проект солидаризации может быть приостановлен. Коммуникативную солидарность online можно поддерживать в ситуации радикальных разногласий между оппонентами, сам факт физического не-присутствия которых может смягчить эффекты взаимного недоверия.

Коммуникативная солидарность может быть установлена как на микроуровне (уровне повседневной межличностной коммуникации), так и на макроуровне (на институциональном уровне взаимодействия социальных структур). В качестве фундамента коммуникативной солидарности на микроуровне может выступать доверие между участниками социальной дискуссии, которое должно быть подкреплено взаимными установками на *признание* важности интересов и целей каждого. Изначальный отказ от признания речевых актов партнеров может иметь своим эффектом блокирование достижения какого-либо согласия между ними. Как полагает А. Хоннет (A. Honneth), люди расценивают свои проблемы не в терминах абстрактных коммуникативных идеалов Ю. Хабермаса, но, скорее, как результат их не-признания в повседневной жизни. Люди вступают в борьбу за признание, потому что чувствуют, что не получают в повседневной жизни должного уважения, которого заслуживают [7]. Рациональное признание требований всех участников социального коммуницирования может превентивно предотвращать центробежные тенденции в обществе и способствовать утверждению / подтверждению их солидаризации. Как считает А. Хоннет, в плюралистических обществах, в которых отсутствует нормативная солидарность, основанная на общих нормах и ценностях, не столько гомогенность, сколько гетерогенность и диверсификация ценностей в открытом социальном пространстве могут стать фундаментом для достижения согласия. Коммуникативная солидарность вполне может стать реальностью в обществе, в котором отсутствуют структурная взаимозависимость и ценностное единство, в котором имеет место принципиальный социокультурный плюрализм. Аналогичной точки зрения придерживается С. Устерлинк (S. Oosterlynck), согласно которому гомогенность не является необходимой основой солидарности; напротив, растущая гетерогенность может стать реальным контекстом для выдвижения требований признания столь различающихся индивидов и групп [8]. В ситуации социальной гетерогенности *моральность* солидарности, на которую впервые обратил внимание Э. Дюркгейм, становится особенно заметной. Если принять во внимание определение солидарности П. Штомпки, согласно которому «солидарность – это забота об интересах других и готовность предпринять действия в их пользу, даже когда нарушаются наши собственные интересы» [5, с. 45], то станет очевидным, что стремиться к солидаризации даже в той ситуации, когда «нарушаются наши собственные интересы», можно лишь достигнув достаточно высокого уровня нравственного развития и будучи способным отдавать приоритет общечеловеческим ценностям.

На институциональном макроуровне ответственность за реализацию и поддержание коммуникативной солидарности между социальными акторами может быть возложена на структуры массмедиа, которые должны вырабатывать и транслировать основные принципы согласия между членами сообщества. В ситуации дефицита доверия между социальными акторами, которое может быть признано психологическим и социальным фундаментом любого публичного коммуницирования, массмедиа могут осуществлять функцию *конструирования* коммуникативной солидарности посредством создания позитивных образов как участников коммуникации, так и проектов, по поводу которых проводятся публичные

переговоры или дискуссии. И наоборот, массмедиа могут дисфункционально воздействовать на социальные процессы, не способствуя установлению коммуникативной солидарности, если будут конструировать негативные образы участников общественных переговоров, тем самым препятствуя установлению согласия и доверия между ними.

С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» аргументировал необходимость соблюдения принципа общности всеми участниками социального коммуницирования, в том числе и массмедийными агентами, суть которого заключается в поиске точек соприкосновения между представителями различных социальных сил, в поиске «ценностей, институтов и практик, которые являются общими для людей, принадлежащих к разным цивилизациям» [4, с.529]. И хотя С. Хантингтон рассматривал необходимость соблюдения этого принципа в контексте межцивилизационных конфликтов, можно расширить границы применимости этого принципа и сделать вывод, что в ситуации дефицита солидарности в конкретном обществе именно этот принцип может стать тем фундаментом, на основе которого будет конструироваться новое согласие и новое доверие между социальными акторами, в том числе и в пространстве массмедиа.

Помимо массмедиа, следует упомянуть еще одно институциональное образование, которое может сыграть существенную роль в установлении и поддержании коммуникативной солидарности в обществе, утратившем основы структурной и нормативной солидарности. Речь идет о гражданских общественных организациях, спонтанно создаваемых в контексте определенных социальных ситуаций, добровольно берущих на себя обязательства устанавливать и регулировать взаимодействие между оппонирующими друг другу социальными акторами. Как полагает А. Этциони, в кризисных ситуациях официальные органы политической власти в силу определенной инертности не могут своевременно устранять препятствия на пути реализации принципов коммунитаризма: «Даже когда люди – будь то представители местной общины, нации или какого-то еще более широкого союза – приходят к моральному консенсусу, вопиюще медленно растет способность властных институтов к выполнению основанных на нем новых решений» [6, с. 16]. Что же касается добровольных общественных организаций и движений (к примеру, волонтерского движения), то они, как правило, пользуются большей поддержкой и большим доверием со стороны общества (нежели официальные органы власти), они более мобильны, легче приспосабливаются к меняющейся социальной конъюнктуре, а потому могут быстрее принимать решения, в которых возникает потребность «здесь и сейчас». Общественные добровольные организации можно, вслед за А. Этциони, назвать «мягкой силой», которая в современном миропорядке может гораздо эффективнее обеспечивать общественное согласие и солидарность, нежели политические органы контроля и принуждения [6, с. 287].

Выводы. Основой коммуникативной солидарности может стать «мягкая» сила взаимного доверия, которое поддерживает моральные связи между участниками коммуницирования. В странах с низким уровнем доверия именно рациональная установка на взаимное признание и нравственное усилие поступаться собственными интересами ради установления социального консенсуса может стать основой

солидаризации социальных акторов. Способствовать спонтанному движению солидаризации общества на институциональном уровне могут массмедиа и гражданские добровольные объединения, которые должны конструировать модели и образы взаимного согласия и примирения.

Если воспользоваться формулой А. Этциони, то можно сказать, что основу коммуникативной солидаризации составляет «не столько принуждение, сколько убеждение»[6, с. 291], не столько нормативные документы (репрессивные или реституционные), сколько моральное согласие на диалог. Несмотря на то что коммуникативная солидарность является более неуловимым и трудно фиксируемым феноменом, нежели нормативная (основанная на сходстве) и структурная (основанная на взаимозависимости) солидарность, тем не менее она может быть признана основой единения социальных акторов в диверсифицированных и полицентрических обществах.

Литература:

1. Головаха Е. Социальное безумие / Е. Головаха, Н. Панина. – К. : Абрис, 1994. – 168 с.
2. Урсуленко К. Методика измерения социальной солидарности в украинском обществе / К. Урсуленко // Социология: теория, методы, маркетинг, 2009. – № 3. – С. 126–158.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.
5. Штомпка П. Доверие – основа общества / Петр Штомпка ; пер. с пол. Н. В. Морозовой. – М. : Логос, 2012. – 440 с.
6. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони. – М. : Ладомир, 2004. – 384 с.
7. Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts / A. Honneth. – Cambridge: Polity Press, 1996. – 240 p.
8. Oosterlynck S. Social solidarities: the search for solidarity in sociology [Электронный ресурс] / S. Oosterlynck, B. Van Bouchaute // DieGemworkingpaper24/04/2013 // Режим доступа: http://www.solidariteitdiversiteit.be/uploads/docs/bib/00321431_1.pdf

Рецензенти:

Доктор філософських наук, професор, декан гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М. Є. Жуковського «ХАІ» Копилов В.О.

Доктор філософських наук, професор, професор кафедри філософії гуманітарного факультету Національного аерокосмічного університету ім. М. Є. Жуковського «ХАІ» Байрачний К.О.